

а.величанский

ПОДЗЕМНАЯ НИМФА

а.величанский

ПОДЗЕМНАЯ НИМФА

1976-1977

ББК 87 P7 – 5
В 27

*Издание осуществлено за счет средств
спонсора Орлова Д. А*

Величанский А.Л.

Подземная нимфа. Стихи. М.: Прометей 1990. 48 с.

4702010202 – 420

Б ————— без объявл.

183(2) – 90

ISBN 5-7042-0416-3

©Александр Леонидович Величанский

*"... Nymph, in the orisons
Be all my sins rememred..."*

Shakespeare

ПОДЗЕМНАЯ НИМФА (1)

Подземная нимфа (воды – ни глотка)
из тьмы непроглядной метрополитена –
о, что за улов – твоё плавное тело,
о, как ты плывешь в этих толпах умело,
на кожу скамьи так пленительно села,
как будто на камень прибрежный. Гладка,
как лак и твоя полноводная кожа,
и сколько ж её голубой – далеко же
нам плыть... Ты сидишь и читаешь, о, Боже,
подземные боги! – газету с лотка.

ЕВА (1)

Представьте райский зоосад:
плоды послушные висят,
не счесть оленей, яблок,
и тигры – травоядны.
И средь библейской красоты –
невинны, как кругом цветы,
парные топчут травы
Адам и Ева... Браун.

ДЕВОЧКА

Подростки: в очках он, а девочка в юбке короткой –
на летней скамейке, обнявшись невинно и робко,
сидят в ожиданье дневного сеанса кино
и жадно глотают одно на двоих эскимо.

Но мальчик в очках и с пушком на губе – только мальчик:
и лакомство сладко и фильм предстоящий заманчив,
а девочка чувствует только объятия миг.
И жадно глядит на нее проходящий старик.

ПАСТУШКА

Пасла я Зорьку возле базы.
Вдруг шестеро в противогазах.
Чтоб личность скрыть. Ну, я далась
легко, чтоб не прибили часом.
Ну и страшон противогаз!

Гляжу я в стеклышки – не вижу:
в поту. Ребята еле дышат
в глазастом этом колпаке.
Запомнила наколку МИША
я у шестого на руке.

Построили всю часть и руки
велели вытянуть. С сеструхой
идем мы вдоль шеренги – ишь:
чуть не качаются со страху.
Набрали мы шестнадцать Миш.

Мой Мишка разъяснился скоро.
Из Горького. Здоров, как боров.
Но симпатичный. Остальных
он продал сразу без отпору.
За групповуху – к ногтю б их,

да мы, однако, деньги взяли,
хоть покуражились вначале:
начальству не с руки ЧП.
Папаша дом сестрице справил.
А с Мишкой ходим мы теперь.

МАГДАЛИНА

Магдалина, не ломай
столь умелых рук –
заповедный древний рай
явится вокруг –

без усилия извне
ты войдешь туда
новой Евой, ибо не
ведала стыда.

ВСЕ НОРМАЛЬНО

Вечерний город лиловет. Веет нефтью от реки.
Речной трамвай: на нем цветные, как цветы, провинциалы.
Прозрачный диск луны провис, и сквозь него видны деньки
оставшегося лета... Вот и отпуск отгуляла.

И снова площади всё той же лиловеющей Москвы.
Прибитой пылью пахнет следом за машиной поливальной.
А от меня еще соленым пышет воздухом морским,
загаром и травой горной... Словом, всё нормально.

ЕВА (2)

Яблоки дóроги
нынче, Адам:
очередь в городе,
цены на рынке.
И надоело:
один джонатан...
Бедная Ева:
в лице – ни змеинки.

ГОЛОСОК

По квартире бьет звонок.
Не тебя ль опять, сынок?

Этак вот – двенадцать дён,
уж не менее. Трезвон –

даже ночью и чуть свет,
а тебя всё нет да нет.

Ишь висит на проводу.
Ну, давай уж, подойду.

Нет его. Не приходил.
Голосок уж больно хил.

МОЛИТВА РАХИЛИ

М.Х?

... Я их украла ненароком, Иегова,
Бог плодородья, Бог мужа моего,
его отца и деда – ей Богу,
руки сами брали, не ведая того.

Сам посуди, ты ведь Бог мне лишь по мужу –
Бог Авраама и Исаака страх –
сам посуди – кругом нагая сушь, и
где-то вдали лишь горы или враг.

Как же не красть мне идолов домашних –
кров нужен сыну – не зря ж Ты даровал
силу моей измучившейся папине –
сам посуди: Иосиф слишком мал.

Бог Авраама, пощади, коль виновата.
Тяжкий удел Ты дал своей рабе.
Семь лет объятий не родных и вороватых
в жесткой и редкой пастушеской траве.

О, Иегова, мне в идолах нет нужды –
они папаше в обмане помогли.
Как не узнал мой муж объятий чуждых? –
это они своей наслали мглы.

Это они сестре моей подслепой
чрево отверзли – на зависть и на зло
рабе Твоей – шесть раз. Лишь напоследок,
о, Иегова, мне тоже повезло.

О, Иегова, попомни мое горе:
в страхе, что сам он Лию предпочтет,
ночь продала я за ветку мандрагоры –
как я топтала в пыли ту ветвь... И вот,

о, Иегова, Ты снял с меня позор мой,
дал моей жажде живительный глоток –
среди травы бессовестной и сорной
возрос блаженный, возлюбленный цветок.

Муж мой украл у брата первородство,
сердце Лавана, как сказано, украл –
Ты помогал, Ты от мужа не отрекся...
Не прогневишься – Иосиф слишком мал.

Бог Авраама, ведь двадцать лет держали
идолы эти Иакова в плену.
Звала бежать я его, но не бежал он,
брата страхась в отеческом дому.

Бог Авраама, не век же жить средь страха! –
мир Твой для страха, а не для нас велик.
Встретив меня, заплакал мой Иаков,
камень огромный от сердца отвалив.

Ото всего, что дашь нам, десятину
будем исправно платить Тебе, о, Бог...
Двадцать лет гонял отцовскую скотину
муж и воздать путем Тебе не мог.

Плодил детей с сестрой моей толстухой,
с моей рабыней, потом с ее рабой...
Сам был лишь раб отцовский, лишь пастух и
робко боролся с ниспосланной судьбой.

Неужто сыну наследовать лишь рабство,
о, Иегова! Но страх перед отцом
возобладал над страхом перед братцем...
Идолы эти, повинные во всем,

чуть не лишили нас всего именья –
овец и коз, верблюдов и коров,
волов, рабынь, рабов... Но Ты пометил
наших овец... И под родимый кров

мужа направил отчим ужасом не Ты ли?
Я не украла, я лишь пленила их,
чтобы они нас снова не пленили.
Бог Авраама, наверно Ты простишь

своей рабе ребяческую хитрость.
Муж мой Лавану разгневанному рек,
в страхе своем он рек ему: “Убит пусть
будет укравший”. Но настигавший рок

Ты отвратил от рабы раба Господня
и посрамил истуканов – под седлом
и подо мной... Ты Свой завет исполнил –
скоро Ты дашь нам обетованный дом.

Ты с господином моим в ночи боролся
и пощадил Иакова, хоть Ты
наверняка сильней и выше ростом...
Не замечаю я этой хромоты.

Я их украла невзначай, о, Иегова!
Бог Авраама, приближается Исав...
Ты от отца нас спас, спаси нас снова,
крепким щитом надежде нашей став.

... Вот он – Исав. С залысинами плечи.
О, Иегова, я сделаю добро!
Вот господин мой пошел ему навстречу,
семь раз склоняясь и хромая на бедро.

НЕДОУМЕНЬЕ

Бледнеет и скалится, грозно трясет бородою –
ревнует – ни за что ни про что, ревнует, ну, стоит
мне с кем-нибудь слово сказать, улыбнуться кому,
ревнует и стало быть любит, одно не пойму:

ведь ежевечерне так просто дается ему же
из бездны своей коммуналки вести меня к мужу –
вести меня к мужу, о, Господи, прямо в кровать,
прощаться у бензоколонки и не ревновать.

ПОДЗЕМНАЯ НИМФА (2)

О, нимфа, под землюю тесно:
колышется людское тесто,
заранее сюда попав.
В газете сказано, что прав
лишили правдолюбцев Чили
и что канадцев мы побили...
Но в центре так тебя сдавили,
что оборвался телеграф.

РУКА

Дерев нерукотворны своды.
Нерукотворны формы трав.
Нерукотворные породы
камней без граней и оправ.
Нерукотворная подруга –
нерукотворный плод округлый
она срывает свысока...
и потянулась к ней рука.

СЕСТРЫ

В угловую толпу протолкавшись –
и поближе, поближе бы каждой –
раскрывая глаза на призыв
и про тяжесть авосек забыв,
под дождем накренившимся мокнут,
но не прячут от ливня лицо,
нет – глядят **Филомела** и **Прокна**
на попавшего под колесо.

ЧЛЕНСТВО

Нет, что ты, я переспала
со всеми нациями нашей
империи, а как иначе
узнать, какая удала?
И лучше всех, но ты не смейся –
не ингуши, не адыгейцы –
евреи! – в этих делах
способней всех – я проверяла:
их было у меня навалом –
все – закусивши удила.

... Но вышла замуж я на вид
нелепо: он – рязанский малый,
хоть член ЦК*, но членства мало...
К тому же он – антисемит.

* Скорей всего, она имеет в виду ЦК ВЛКСМ,
если вообще не привирает.

РОМАН

Забыла я эту историю вовсе.
Лет десять прошло. Или семь. Или восемь.
Однажды изменишься так,
что дело уже не в летах.

Теперь и припомнить то время мне не с кем.
Была физкультурницей я в пионерском
концлагере. Помню едва:
березы, зарядка, трава.

И что за напасть — я влюбилась в мальчишку.
Тринадцати лет ему не было. Слишком
он был — непонятно какой.
Глядеть ли со взрослой тоской

умел ли, быть может, сама тосковала
в ту пору я? Этаким худенький малый.
Да что там — без всяких химер —
он попросту был пионер.

Но только глядел на меня без утайки
глазами своими. В разорванной майке,
в каких-то дурацких трусах
и в галстукe красном — во страх —

повязанном прямо на грязную шею.
Принес он мне лилии, без разрешения
сбежав неизвестно куда —
в округе — ни рек, ни пруда.

Два слова друг другу сказали едва ли
за лето — всё бегали да приседали.
Была я — что надо: стройна.
Но знал он, что я влюблена.

Я с Толькой спала, с баянистом, но это
совсем не вязалось с моим шпингалетом,
и он не сердился на нас,
и даже помог нам не раз —

как там говорили, “стоял на атасе”,
ну, словом, стерег затаившихся нас он
в орешнике за костровой
поляной, как впрямь часовой.

Но прыгал в длину он и вывихнул руку.
От боли не спал. И вот впрямь, как физрук, я
от Тольки к нему по ночам
ходила, чтоб он не скучал.

Сопели, нашкодившись вдоволь, ребята.
Смывался на танцы красавец-вожатый.
На койку присев, как сестра,
молчала я с ним до утра.

Раз только сказал, что со мною не больно.
Я шепотом этим была так довольна,
так счастлива – ну и дела –
что после сама не спала.

Так промолчали три долгие ночи,
чуть видя друг друга, но чувствуя молча,
среди детской нетронутой тьмы.
И, кажется, плакали мы.

КРЕЩЕНИЕ

Две девы ночью топят воск.
Темно: лишь слабый блеск волос.
Взаимную оставив злость,
судачат безумолку
про друга милого, про грим,
про то, как в страсти мы горим...
Но то не воск, а стеарин,
и обе – комсомолки.

СХОДСТВО

На сходстве бусинок основан принцип бус.
В ней многое напоминало совесть,
красу напоминало, тонкий вкус...

А совестью ли, вкусом ли, красою
она сама напоминала – ну-с,
кого она тебе напоминала? –
да мало ли кого... И впрямь не мало –
сказал бы да обмолвиться боюсь.

ОНА ЛЮБИЛА КАЖДОГО ИЗ ТЕХ

(десять стихотворений)

1.

Она любила каждого из тех,
кого она любила, так, что грех
нам говорить здесь о грехопаденье.
Как мужа. Как отчизну. Как в мечтах
любить возможно. Так, как смертный страх
иные любят. Так, как наслажденье
она любить умела... И ее
ВСЕ помнили, хоть каждый за свое,
но все – как полубред, как наважденье.

2.

Она любила каждого из тех,
кого она любила – без утех
каких-либо: спокойно, домовито –
все было выстирано, вымыто – успех,
казалось ей, достигнут. Но они-то
не понимали этого – у тех,
кого она любила, были виды
совсем иные на нее – ни-ни:
она их отгоняла, и они
все проходили быстро, как обиды.

3.

Она любила каждого их тех,
кого она любила – больше всех,
и говорила каждому в постели:
“С тобою, милый, лучше, чем со всеми”.
Что, в лучшем случае, могло бы вызвать смех,
хотя в иных будило гнев немалый...
Вот этого она не понимала –
не понимала, дура, как на грех.

4.

Она любила каждого из тех, кого она любила, ибо веру
взяла над ним, хотя он на поверку
в конце концов оказывался сверху,
но унижался прежде – и при всех
желательно... И сворошив, как ветки,
обломки воли мужеской в тела,
она затем сжигала их дотла –
дотла – не оставалось даже метки
от них на простыни – ни буквы, ни числа.

5.

Она любила каждого из тех,
кого она любила, будто ТЕХ-
ОСМОТР с отличием прошедшую машину.
И говорила просто, без ужимок:
“А ты что думал? – как девчонка, вверх
ногами неизвестно с кем лежи, мол?
Нет, я сперва узнаю, с кем он жил
или живет. Каков оклад и пыл.
Не пьет ли. Можно вызнать без нажима.
И если все в порядке – мой навек.

6.

Она любила каждого из тех,
кого она любила временами –
в любое время года: лег ли снег
тяжелый, неразборчивый... весна ли
смутила грязь незамерзавших рек...
иль лето белое отметило крестами
ночные окна... иль уже листва
осенняя пятнала ее зонтик...
Любимые сменялись, как сезоны –
по всем законам злого естества.

7.

Она любила каждого из тех,
кого она любила – больше всех
и более самой себя, конечно –
терпела издевательства и смех,
делила щедро прихоти утех –
она любила каждого в надежде,
что и ее полюбит человек
какой-нибудь. И потому заранее
любила всех за это упование.

8.

Она любила каждого из тех,
кого она любила, но до тех
лишь пор, пока нужна была им эта
любовь ее – не ведая ответа,
не зарясь на разительный успех,
не утоляя собственного пыла
(а в ней его едва ли много было),
покуда срок нужды в ней не истек,
она их всех воистину любила.

9.

Она любила каждого из тех,
кого она любила – не навек,
но каждого любила без оглядки,
не думая о сроках страсти краткой.
Но появлялся новый человек.
Он был хорош. И значит – всё в порядке.
Сама того не ведая, с ума
сводя порой иного, без оглядки
глядела вдаль – на лица и дома.

10.

Она любила каждого из тех,
кого она любила – без помех,
раздумий, слов иль слез еще! Бывало,
ее после разрыва удивляло,
как мог ей полюбиться пустобрех
такой... И всё казалось, что ей мало
любовников. На деле же их всех
она не видела. Она лишь изменяла
со всеми – изменяла одному,
любимому столь долго потому.

ЖЕСТОКИЙ РОМАНС

(на мотив "Маруся отравилась")

Смешны ее веснушки
на маленьком лице.
Не вспоминай, дурнушка,
об этом подлеце.

Не брей своих подмышек
и глаз не подводи –
выписывай из книжек
научные труды.

Довольно заниматься
сведением бровей –
займись трудами Маркса
и дальше их развей.

И он, подлец, узнает
(не Маркс, а твой подлец),
какой посредством знаний
ты станешь наконец.

Всё может Божья милость
до воскрешенья в плоть:
Маруся защитилась.
Храни ее Господь.

ПРО МОВО

*“Но я другому отдана;
Я буду век ему верна”*

Мы с Женькой встретились сперва,
когда мои хозяева
свезли меня на дачу.
Все лето прогуляли ТАК.
Он на гармошке был мастак.
Но подступаться начал.

Однако я себя блюла.
Хоть лапал он меня дотла.
В Москве по нем томилась.
Он приезжал по выходным.
В подъезде мы стояли с ним –
хозяйка не бранилась.

Потом он в армию ушел.
Сказал, не дожидайся, мол.
И писем мне не слал он.
Но я ждала его – с ума,

видать, сошла, хоша сама,
но ТАК с одним гуляла.

Он с армии привез жену
себе. Фабричную одну.
Видать, поила шибко.
Кудрей-то, Господи, кудрей! –
да шестимесячны у ней
и брюхо и завивка.

Он, как пришел – сейчас ко мне.
А я ему: ступай к жене –
она вить губки красит.
Тут он мне в морду этак во –
ему подружка про мово
насказывала басен.

Сама позарилась, поди.
А он и рад. Ну, погоди.
Ходил один за мною
лет пять: тихоня и не пьет.
А мне уж двадцать пятый год.
И я пошла женою.

Ну, от хозяев, ясно, взял.
Пошла я в дворники. Подвал
нам в новом доме дали.
И Женька – тут как тут. Да я,
поди, сумею устоять,
хоть дрался он вначале.

Ведь мой-то что – уж больно стар:
и заступаться бы не стал –
куда ему – портянка.
А Женька, Женька – парень. Бить
я жду, когда он снова бить
придет меня по пьянке.

ПЛЯСОВАЯ

У мово ли у милка
сладка водочка горька.
Горше водочки – медок.

Помер, помер мой милоч,
помер, помер кавалер,
помер сокол — околел.

В меня миленький гостил —
все до ниточки спустил —
целовальникам сволок.
Помер, помер мой милоч,
помер, помер кавалер,
помер сокол — околел.

На могилке у милка —
ни травинки, ни цветка —
полынья, чертополох.
Помер, помер мой милоч,
помер, помер кавалер,
помер сокол — околел.

Я во этом во аду
свово милого найду:
йде колечко? йде платок?
Помер, помер мой милоч,
помер, помер кавалер,
помер сокол — околел.

КОНЦЫ С КОНЦАМИ

Ее судьба сложилась круто:
двоих любила — дело швах —
поэта, нет — обериута,
что алкашом на Кадашах
прослыл во всех продмагах... ах,
и знаменитого изгоя —
мечтал о райских он краях,
за что его начальство злое
с работы — в шею — на бобах
сидел с ребенком и женою.
Любил ее обериут*,

* Обериуты — группа трагически погибших и трагически забытых поэтов тридцатых годов. Здесь, разумеется, имеется в виду кто-либо из многочисленных подражателей их манере письма.

любил не менее спиртного
(от коньяка и до “Тройного”),
но не оплачивался труд
поэта вольного — на что вам
опохмелишься? и она
всегда была ему должна —
ему, подругам и соседу.
Зато изгой был сыроедом.
Но сырость тоже, Боже мой,
до страсти дорога зимой,
к тому ж в пристрастиях с женой
он не сходил. Огурцами
пацан не проживет — обмен
веществ... И чтоб концы с концами
сводить, она — судите сами —
спала с одним из АПН.

ВСТРЕЧА

Она его увидела вдали
еще незрячим взором. Люди шли
куда попало, торопясь из стужи.
Но он остановился у ларька
табачного. Стал ближе. И к тому же
заметен чем-то стал издадека,

но только чем — она не разумела.
Вот дальше двинулся он, как-то неумело
минуя ближних... Боже, на кого ж
он так похож? Сутулостью. И ростом.
Походкой бережной. И жестами похож:
как вытряхнул из пачки папироску,

от ветра отвернувшись — и лицом
склоненным показался ей знаком...
Нет, положительно, мы с ним встречались где-то.
Вот дым знакомым выпустил кольцом.
И рот кривит знакомо. И одет он
в знакомое пальто. Идет с ленцой —

той поступью упругой, но и вялой
одновременно... И она узнала! —
пальто сначала — шили на заказ!

И вот такая же была в ту зиму стужа,
когда пальто одел он в первый раз:
ужасно шло ему – прям не узнаешь мужа.

ЛЕСНАЯ НИМФА СРЕДНЕЙ ПОЛОСЫ

Лесная нимфа средней полосы:
ей хвоя сыплется в роскошные власы
с еловой вольной лапы. Паутина
касается удачных черт. Она
литая средь болот – окружена
природы робкой скудными дарами –
грибы, черника... Но зато самой
даны какие бедра... вечерами –
какая грудь, какие ноги – ой –
искусанные комарами.

НАПРАСНО

Напрасно певчий на нее кричал.
Отталкивал иль мучил по ночам,
напрасно чуть ни бил, хоть вроде не в чем
ее и упрекнуть, напрасно пел
чуть что, чтобы молчать с ней – он был певчим
и чтил свой дар – ее ученых дел

навязчиво чурался он, как праздных,
и пел: “О, ге-о-фи-зи-ка!”, напрасно
он не хотел и слышать про детей
ее (их было двое: сын и дочка),
напрасно не звонил подолгу ей:
сама придет – стирать пора. И точно –

она являлась с грудой еды,
с той ровной радостью, к которой вряд ли ты
и впрямь причастен. Называла “милый”.
Стирала. Как могла, пеклась о нем.
Не зря он нервничал. Она его любила
САМОСОСРЕДОТОЧЕННО – при чем

тут он? – хотя он был и вправду певчим
самососредоточенным... Но печень
болела вечерами... Желтизна

какая-то являлась из-под бритвы...
При чем тут он – акафисты? молитвы?
обряда векового новизна?

РАЙ

Мне, парень, кажется порою,
коль вправду грянет трубный гром,
мы (бабы) в рай повалим роем,
как будто утром из метро.

Ведь христианки мы по сути,
поскольку жребий наш таков –
поскольку жребий нам повсюду –
любить и обнимать врагов.

САТИР

Говорил сатир ревнивый:
“Чем нас привлекают нимфы? –
тем, что будто дерева,
одинаковы сперва,
но затем – совсем различны,
коль вблизи рассмотришь лично
каждую – сквозь их красу.
Словом, с ними – как в лесу”.

НЕНАВИЖУ

Ненавижу мужиков.
Всех. Тебя вот, скажем. Мужа.
Всех. Живете вы легко.
И молоденьких подружек

ваших тоже не терплю.
Им-то, правда, отрыгнется
скоро, скоро – к октябрю,
к осени. Потянет в гнезда –

всем захочется тюрьмы.
Вы становитесь умнее,
интереснее, а мы –
мы рожаем и дурнеем.

Вам, подонкам, невдомек,
что мы чувствуем не хуже
вас... Летит, как мотылек,
на любую юбку... Ну же.

ФАВН

И в темноте
подумал фавн:
так на досуге
пошучу я:
де, нимфы тем
доступней нам,
чем им доступней
вера в чудо.

НОЧЬ

Не надо слов прогорклых,
давно ослепших слез.
Сидела полуголая
в жару своих волос.

Теней ночная графика
явилась на стенах.
Молчали фотографии.
Водопровод стenal.

Белела простынь голая.
И ночь была душна.
Вот где-то радиола, и
мелодия слышна.

Шуршала зелень в скверике,
как прежде по ночам.
И – никакой истерики.
И – телефон молчал.

По улице ходили
гуляки – ну-ка тронь!
И в кухне холодильник
подрагивал, как конь.

ЛАМЕНТАЦИЯ

Видела его на Невском
с этой тварью нынче днем.
Я совсем одна, и не с кем
позлословить мне о нем.

... В Петергоф возил и в Павловск
(ничего там, кстати, нет).
А потом, небось, трепался
обо мне... искусствовед!

СЛОВНО

Успокоилась работой.
Верой в Божьи чудеса.
Ненавистью. Верой в Бога –
больше в Сына, чем в Отца.

Успокоилась. Порядок
в комнатухе. Вырос сын.
Муж ушел, и ад догадок
раем знания стал. Ведь с ним

кончено. И ей спокойно.
Даже страх ее устал.
И лицо у ней такое,
словно крест к ее устам

поднесли, благословляя.
Из бывшего – только смех
вырывается: бывшая
живость чувства без помех.

Успокоилась – не Буддой,
но Христом – того гляди
и утонет крестик в бурной
неприкаянной груди.

Успокоилась. Устала.
И таков минувший лик –
словно ждет она удара
от любого всякий миг.

Словно ждет она удара
или чуда... Вечер пуст.
И душа уходит даром
из ее бесстыдных уст.

ВИДИТ БОГ

Сапоги один достать
обещал. Да жметесь мать.

Я сама-то – вся в долгах.
Говорю Давиду – так,

мол и так. (Ведь он горазд –
мы с ним даже в лифте раз.)

говорю, что врач кусок
требует. Достал и в срок.

Адрес вру. К подруге он –
на такси меня. Фасон

срисовала. Попила
чаю с тортом. Добела

набелилась. Томный вид:
еле вышла. Мой Давид

побелел белей белил,
что на мне, и подхватил

на руки меня. Дрожит.
Ну, и что с того, что жид.

Зря его Наташка так.
Любит. Любит, как дурак.

Любит больше, чем жену,
чем свою жидовку... Ну,

согрешила, видит Бог.
Но куда мне без сапог?

ПОДЗЕМНАЯ НИМФА (3)

Бедная нимфа,
темно под землей,
душно, а дни-то
смыкаются где-то.
Станут ли глиною
или золой
все эти линии
тела с газетой?

ЧУДО

Откуда эта вера, вера в чудо,
когда уже ни юных сил, ни чувства,
казалось бы, остаться не должно
у них – обманутых, растрченных давно

на чьи-то прихоти, измаянных работой
и одиноких. Все же ждут, что кто-то –
прекрасней, чем любой киноартист --
вдруг явится из толп безлюдных – чист

и светел. Верно помнят время оно,
когда сходили ангелы на лоно
простых и грешных дочерей земли
и страстью их своей небесной жгли.

И чистотой небесною палимы,
рождали девы сильных исполинов –
в глубинах памяти, на допотопном дне
те времена запомнили оне

наверное.

СПУТНИЦА

Девушка и отец ее? – они
вдвоем вдали от пляжной беготни.
Полуодет он: замша, жир и пряжки.
Девушка подставляет солнцу ляжки,
и плечи до сосцов заголены.

В девице больше пола, чем красы.
Он смотрит на японские часы.
Но молодость ее столь герметична,
что ясно и под замшей заграничной:
он ей годится в деды – не в отцы.

Он озирается вокруг, как иностранец
(хоть по-литовски говорит) – отставший старец,
а спутница исчезла впереди...
но вот она протягивает палец
к колечку серебра на старческой груди.

ДУША МОЯ

Душа моя, откуда и куда ты?
не ты ль во всем на свете виновата?
Кругом года, трактиры, города –
откуда ты? откуда и куда?

Быть может, ты мне в души не годишься?
или сама подумываешь: ишь ты –
меня к себе припутывает плут.
Душа моя, как разминуться тут?

Душа моя! – гулять бы ей на воле.
А мне б ее искать, как ветра в поле –
в полях, в которых сколько не паши
минувший тлен, не встретишь ни души.

В СВЕТ

Быть может, вы ее встречали сами –
старуху с голубыми волосами
(такая краска дикая): меха
потертые, вуаль... Стара, суха.

Ветхозаветный зонтик. Шляпка. Гневно
толкает публику слепую. Ежедневно
у Елисеевых она себе берет
грамм пятьдесят чего-нибудь. Черед

выстаивает гордо и надменно:
спешить ей некуда. “Вот я у вас намерен

брала швейцарский сыр, так он несвеж
и нехорош. Он разве – для невеж”.

А эти наглые воровки-продавщицы!
И публика – всегда куда-то мчится.
Куда? – да за какой-нибудь треской!
Она же шествует неспешно по Тверской –

разглядывает новые афиши
(нет, не читает, а глядит). Всё тише
идет, чем ближе к дому. В автомат
зайдет и там оставит аромат

каких духов, хоть некому звонить ей.
Но выходя, уронит: “Извините,
я задержала вас, но аппарат,
сдается, неисправен”. И парад

ее еще торжественней и строже
становится... И ежели прохожий
(какой с невежи нынешнего спрос!)
вдруг, поражен голубизной волос,

ей вслед уставится – так ей ведь не в новинку
такие взгляды вслед. И сразу видно:
вульгарный тип. И, Боже, как одет!
Штиблеты эти желтые... О, нет,

она всегда считала, что мужчины
беспомощны, смешны, каким бы чином
их не венчали, бедных. Суть не в том.
И думают, как дети, об одном.

А женские презрительные взгляды
она не замечает. Их наряды
внушают отвращенье ей. И яд
их взглядов отражал бесстрастный взгляд –

им с юности она владела грозно.
... Но вот уже и переулочек – поздно:
помедлить прежде надо было... Вот
казалось бы, сейчас она войдет

в подъезд с кариатидами... Она-то
войдет – да еще как... Но воровато
и робко оглянувшись – не видал
ли кто – она тайком в полуподвал

вдруг юркнула, как девочка, по стертой
постылой лестнице. Две толстозадых тетки
какие-то ей всё ж взглянули вслед...
Но завтра она снова выйдет в свет.

ИЗГНАНИЕ

Не гневался Адам на Еву
и Иеговы гневу
не подражал. Он шел
уже не нагишом

с подрукою, теперь понятной,
в мир безвозвратный,
где им судили впредь
труды и смерть,

сквозь оцепление Серафимов –
в руках, вестимо,
двуострые мечи...
А рай в ночи

благоухал пустопорожне,
и звери Божьи
в нем мыкались одни:
не ведали они,

что ждет и их изгнание,
за пропитанье
кровавая борьба –
силки, стрельба.

ПОРТРЕТ

За центральных зданий черствым рустом –
в переулке, в доме из доходных,
где всё вымороченней жилплощадь
коммунальная, в квартире слишком некой,

в комнате, как водка, одинокой
жил старик, но без своей старухи.

Было деду семьдесят. Возможно,
шло к восьмидесяти – горькие запои
возраст затанули как бы ряской –
старый пруд. Он был пенсионером:
пил по пенсиям. Но лишь по смерти бабки:
умерла, как ни ходил за нею.

В голой комнате его теперь остался
лишь портрет её великолепный:
с фотографии глядела гордо
женщина красы не то что строгой –
замкнутой скорей, скорее – скрытной,
как порывы юности. Прекрасным
и таинственным лицо ее казалось
на портрете молодом, хоть старой
фотография была и пожелтевшей.

Оттого ль что не хватало водки,
иль от одиночества – не знаю –
но надумал дедушка жениться
на одной старухе из продмага
(разумеется, из винного отдела).

Говорил старик своей старухе:
“Мне не надо твоего прибýtка.
Ты ведь, знать, на пенсию выходишь.
Детки твои тоже разбежались.
Кончится прибыль, а вдвоем мы
пенсиями сложимся – протянем”.

Долго думала убогая старуха
над причудой этого пьянчуги:
тридцать лет она жила без мужа,
выросли и разлетелись детки,
дед сказал, что комната большая,
а у ней не комната – каморка.

Чуть не сладилось у деда это дело,
чуть не вышла за него старуха,
но надумал дедушка невесте
показать вперед свою жилплощадь.

Оглядела койку, подоконник,
стол, обоев рвань, в окошке – дворик,
и портрет старинный заприметив,
долго на него глядела бабка...
наглядевшись, деду отказала
наотрез: уж больно пьешь нетрезво.

ВО СРЕТЕНЬЕ

*“И рече рабу, кто есть человек оный
иже идет по поле во сретенье нам”*

(Быт., 24, 65)

И в поле вышел Исаак
навстречу сумеркам. Но мрак
еще лишь зарождаться начал.
Кричал ишак, тот мрак вдохнув.
За горизонта вечный круг
исчезло солнце. Лай собачий

сливался с бляньем овец.
И пахли травы. И чебрец
среди них особо. Пахло волей.
Шел Исаак в раздумий мгле
по остывающей земле
навстречу сумрачному полю.

За праотеческой спиной
шатры исчезли. И родной
вкус дыма пустошью зашелся
в пространстве чуждом и большим,
где степь лежала нагишом,
наложнице подобно. Шел всё

и шел пустынный Исаак.
Стушался вековечный мрак,
но разглядела человека
среди надвигавшейся земли,
среди времен грядущей мглы
с верблюда дальнего Ревекка.

ДЛЯ КОТА

“Что вы! Пенсии хватает.
Вы не смейтесь. Для кота я
сторожу здесь. Он в еде
привередлив: каждый день

нужно что-нибудь иное –
ну, паштет, гуляш... порою –
шпроты – отчего, Бог весть –
так-то рыбы от не ест.

Привередлив. Только мясо.
Но сырое редко – в масле
чуть обжарить... Ну, а вы
отчего здесь?.. Вы правы,

только так и можно. Я-то
хоть старуха и с Физ-Мата,
до сих пор пишу сама.
От Ахматовой с ума

я сходила... Принесу вам
что-нибудь из старых... Судьбы
там, которых не найти.
Хоть стихи и не ахти.

Вы поймете... Кот мой любит
яйца в майонезе! Люди
в гастрономии слабей,
чей мой кот... Там – про людей –

про моих друзей, которых
я пережила... Не в норах –
нет, не прятались они...
про погибших до войны.

Вы поймете это мигом.
Вон у вас какая книга –
мне таких уж не прочесть:
нервничаю... Кот мой ест,

представляете, маслины!
Завтра пенсия, и с ним мы
погуляем... Он меня
любит. Он мне – как родня.

Не кастрированный даже,
но все время дома! Наши
бабки говорят, что де
ненормальный он... Людей

раздражает, если кто-то
счастлив... Вот что: антрекотов
я куплю ему! Он рад
будет... Прямо на Арбат

и поеду: там такие
свежие в кулинарию
по утрам завозят... Вы
мясо любите?” – “Увы”.

ЛИЦА

Лица, которыми светятся храмы –
будь то у бабки иль сгорбленной дамы
иль у молодки, поди, заводской –
все эти лики походят на Твой,
“ТЯ БО ЕДИНУ НАДЕЖДУ ИМАМЫ”
все мы, но их Ты признала средь нас
с темных икон своих сквозь фимиамы
ладана – светлый их иконостас.

НИЧЕГО

И ничего после любви
не изменилось: дом ли, сквер ли,
мелодий, улочек углы,
в кафе излюбленном столы
и в парке – древние стволы...

Вот так же будет после смерти.

СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Я говорю на вашем языке –
молчанье здесь иными словесами
исполнено... Работала в ларьке.
Там было мне семнадцать. Рядом с нами
за проволокой колючей встала часть
военная. Отец мой там слесарил
в домах жилых. И помню, как сейчас.

В субботний вечер. Летом. На закате.
Привел солдата. Оба – под хмельком.
(Папаша отмечался при зарплате).
Я им таскала закусь. С пареньком –
ни слова я, покуда мне папаша
лафетник не поднес, считай, силком.
С того и начались свиданки наши.

С того и началась любовь меж нас.
На танцы приглашал меня в Железку*,
и раз я с ним воскресным днем проплась
за речкою. Ну, и сейчас полез он.
Но робко эдак. Робостью и взял.
В мундире был, и мне, девчонке, лестно.
И лето светлое. И всяк цветочек ал.

Стал прибегать ночами в самоволки.
Таились мы. Отец тверезый строг.
Солдатик мой томил меня. Про Волгу
все заливал. Но вот проходит срок –
и ничего! Недели две терпела.
Со страху-то чуть не валилась с ног.
Потом сказала все ж: "Такое дело".

Боялась, осерчает. Нет, он сам
весь растревожился. Но говорит, сердешный:
"Поженемся". Меня по волосам
всё гладил: не страшись, мол, будь в надежде.
Утешилась я малость. Ждать взялась.
И все у нас пошло милей, чем прежде.
И осень красная была – ну, прямо страсть!

*Железка – клуб железнодорожников.

Но раз он говорит: “Назавтра к ночи
приди сама. Там в проволоке – лаз.
В наряде я. Но дерну на часочек.
А за складами не приметят нас”.
И я пошла – сама, в охотку, смело:
уж полночь потайно поднялась –
отец не слышал. Ну и ... подросла.

.....

Я говорю вам вашим языком.
В ту ночь как раз стоял он в карауле.
Сперва меня окликнул он тишком,
чтоб подошла поближе я, и пуля
пришлась в живот мне, так что сразу двух
убил он зайцев... Как у вас? – уснули
навек с младенцем мы? Да: испустили дух.

Теперь и сам – при нас. Его уловка
раскрылась сразу: на посту убил,
де, некую. Расстрелян был минок мой
там на земле, где был когда-то мил
он мне средь ваших трав, что пахнут сладко,
коль срезать их, средь стоптанных могил,
среди людей... Осталась лишь загадка

от нас. Вам разгадать ее невмочь.
Молчанью здешнему не внемлете вы глухо.
Все ясно вам: в сентябрьскую ночь
один подлец, трусливый или глупый,
чтоб скрыть, что он надясь с девчонки слез,
промашку сделав, сделал ее трупом.
Но здесь молчанье из иных словес.

ГАГРЫ

Прежде чем бросить меня с этой женщиной страшной,
как-то сказал он, но, может быть, в шутку – не важно:
“Вот отвоюем проклятую эту войну,
в Гагры махнем погулять хоть недельку одну”.

Если искала его – лишь в толпе и в рыданиях –
не узнавала, небось, не справлялась заранее –
я что ни день всю Москву обходила пешком.
Много военных в толпе – обознаться легко.

И обознавшись, стесняясь рыдать при народе,
я заходила к сестре – что-то комнатки вроде
дали ей в этой центральной конторе ее...
Как презирала она тогда горе мое.

После войны веселились, угрюмо, утарно.
Я ж нанялась на работу в те самые Гагры,
хоть и москвичка, но что мне теперь города –
я поселилась в надежде своей навсегда.

Не по душе мне была эта знойная сырость,
мертвая зелень растений продажно красивых,
душных бессониц соленый, безвыходный шум:
с кем он здесь был, что пришли ему Гагры на ум?

Ну и заметил один мои душные ночки.
Нынче за сорок мне. Вот уж и сестрина дочка –
одна отрада моя – стала ростом с меня –
мне присылает ее, как подарок, родня.

Но временами как будто бы что-то находит.
Платье ищу выходное и не по погоде,
разворошив в лихорадке безжизненный шкаф,
платье тогдашнее в спешке едва не порвав,

я надеваю и с пляжа племянницу кличу
(ты не видала таких обаятельных личик)
и хоть в обтяжку мне платье – на этакый стан –
чуть ни бегом мы бросаемся с ней в ресторан.

Но не в отраду вино и тяжелая пища
(мне это вредно), но ем я и пью, и обычно
жадно пытаюсь вдохнуть этот горький табак,
но задыхаясь и, знаешь ли, кашляю так.

Вот моя девочка – та изумительно курит.
Пьяный курортник к ее загорелой фигуре
лепится взглядом, а ей невдомёк и не в честь –
ей бы счастливой пока только яблоки есть.

Гагры видны нам внизу в полыханье закатном –
там от войны не осталось и камня на камне...
Быстро смеркается, и созревают огни.
Тьма. Только Гагры видны нам. Лишь Гагры одни.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ВСЕМ ИМ

Тюрьмы, лагерей и ссылки
был баснословен срок.
Всех потеряла – сына,
мужа, отца. Жесток

век наш. Не хватит влаги
горькой на всех людей.
Но ссылка, тюрьма и лагерь
стали опорой ей.

Гордость судьбою, либо
силы людской предел –
но казался счастливым
страшный ее удел.

Не дал ей Бог недуга –
женственна и мила –
как старую подругу,
смерть она приняла

в комнате той, где тени
смотрят с портретов на
встречу их. Но на деле –
смерть, как всегда, одна.

ПОДЗЕМНАЯ НИМФА (4)

Но всех прекрасней среди нимф
была, естественно, гречанка.
Должно быть, ездила в Коринф
в автомобиле – не песчаный,
а галечный в Коринфе пляж,
зато – божественный пейзаж,
очерченный полетом чайки,

воздушной линией вершин
приморских гор – сосняк корявый
в них коренится... Из Афин
она была, конечно (я вам
о нимфе говорю) – увы
в морозном зареве Москвы
увидел я сей величавый,

прекрасный профиль, что века
чертили набожно и тонко
не с тем, чтоб привлекать слегка
иль завораживать, а только
чтобы из времени извлечь
красу его – казалось с плеч
не снят кувшин с водою звонкой –

той древней чистою водой,
что из источника трагедий
хор женщин нес... Немолодой
она была уже. Но гений
в святой гармонии своей
едва ли был ее стройней.
А красоту ее движений

лишь с соразмерностью стиха
сравнить уместно было б. Очи –
два сокровенных тайника –
и очерк их был не восточен,
не западен – ведь у времен
нет географии – и он
был оттого настолько точен.

Ночная их голубизна
была слияньем вод и камня...
Но вся она была ясна,
как тайна... Хоть извне пикантна
была, пожалуй, даже, не
затронутая ни извне,
ни изнутри годами... К нам не

по доброй воле занесло
ее – нет, дочь с супругом – ола! –
не победив в Элладе зло,
спасались здесь от произвола.
Но нимфе участь их чужда,
как миру красоты – вражда,
хоть сам-то мир, конечно, зол он.

Верней, трагичен. И пример
тому судьбы ее возмездье.
От неких новых строгих мер

сбежала дочь в Париж с семейством,
в приличной богадельне мать
оставив старость доживать...
Краса ж и старость несовместны:

она курила много и
снотворным, верно, запивала
воспоминания свои –
всё дымно здесь, я знаю мало –
и всё же в номере, в дыму
погибла нимфа – по всему
видать – горело одеяло.

Красу не оставляют впрок.
Дочь отуречена – нимало
не схожа с матерью – и срок
отбыв, жива. А к смерти даром
приговоренный заглаза
зять Достоевского азам
в Сорбонне учит коммунаров.

БЫТЬ МОЖЕТ, ТАМ

Скрип портупей. Сапожный скрип державы.
Скрип кобуры, воспетый Окуджавой.
Скрип ночью отворяемых дверей.
И снега скрип – он был всего страшней:

он схож был с оловянным скрипом мисок.
И перьев скрип: скрип докладных записок.
И патефонный скрип тупой иглы.
Скрип половиц: общаются полы.

Чу! – скрип фамильной мебели – тот чинный
старинный СКРЫП – у стервы-дворничихи
в полуподвале с видом на кота
дворового. Вот так скрипят года.

Колесный скрип механизаций сельских.
Скрип пилочек по части заусенцев.
Скрип времени, который ШУМОМ скрыт:
скрип портупей, сапог и снега скрип.

Мне чудится, что так звучали годы,
когда и к ней – невидной, робкой, гордой
явился человек – прекрасен он
и нежен был – он был скорее сон,

но оставался явью, далью, плотью –
не только телом, даже каждым платьем
неловким знала: любит! да! ее!
ее одну! – и даже не свое

с ней счастье, а ЕЕ – ее такую,
какой она была. Они, ликуя,
ходили в парк, смотрели “Трех сестер”,
ликуя ели, выметали сор

из комнатки ее, в лото играли,
ликуя бились среди тел и брани
в трамвае по утрам... Но вот беда:
он первым выходил всегда. Куда

потом он шел – ей было неизвестно.
Но мало ли работ – и ей – невесте
не к месту спрашивать про службу, про оклад,
того ль ей надо – но когда подряд

он трое суток к ней не возвращался,
она, измучившись, оторопев от счастья,
что вот он снова жив, что снова с ней,
она его спросила. И ясней,

правдивее не мог бы отвечать он –
он, переполненный ее – ее печалью –
(он ревности не ждал) – но вот за страх
ее ответил головою так,

как отвечают головой на плахах.
Шли ходики. Она не стала плакать:
не слезы застыт всё, что впереди.
Она ему сказала: “Уходи”.

Когда он выходил, она мгновенно
увидела и шаг его военный
и эту стать! Он был переодет! –
в того, кого теперь на свете нет –

в любимого, да просто – в человека.
Он был переодет. Он был калека,
скрывающий увечья – только чьи?
... Соседки в кухне ставили чай.

Шли ходики. Всё началось с начала.
Маруська разведенная кричала:
ее бы воля, всех бы под арест!
И надо было торопиться в трест.

Пришел он вскоре. И застал за стиркой.
Соседи тешились любимой пластинкой.
Был в форме, но без кубиков и шпал
(ей это невдомек). Но чем он стал

за это время – только гимнастерка –
и всё. Лицо с лица как будто стерто.
И в голосе чуть не предсмертный хрип.
И скрип сапог. И портупей скрип.

“Вот. Я вернулся. Я ушел из кадров.
К тебе”. Потом молчание. “Но как ты
там был все эти годы? Был ведь? Да?
И наш с тобою год...” – “Ты никогда

об этом не узнаешь”. Так же круто
он вышел, так же прямо, и с минуту
был в коридоре слышен скрип сапог.
И кто б тогда подумать только мог,

что нету этой поступи возврата.
Его забрали в тот же день. Она-то,
так живо горевала о живом
еще так много страшных лет... И вот

узнала, что давно не дышит тело
любимое – и горе помертвело,
живая скорбь запнулась, обмерла...
Она увидела кровавые тела

им убиенных, и среди них – он – милый.
Ведь это я сама его убила.
Мне нужно было грех его вообразить
в себя – терпеть, молиться – Божья Мать

услышала б меня во что б ни стало.
Наверное, любовь его искала
во мне спасенья этого, – угла
последнего. Убила. Прогнала.

Затем что слишком дорог был. Как в милом
могла терпеть я палача... Могилы
его не сыщешь... Да, теперь он был
одной волной бушующих могил –

она об этом знала... Как я прежде
могла судить его лишь по одежде? –
а нежность, ясность... Он ради меня –
из смерти – в смерть. А мне его вина

застлала, видно, ненавистью очи...
В ней ожили те дни их, те их ночи,
в которые душой боялась впасть.
Теперь она судила свою страсть –

свою всегдашнюю испуганность в объятьях
и неумелость. А могла бы дать я
ему, убитому, поболе – что за стыд...
Но он по доброте своей простит.

Сперва, про смерть не ведая, стыдилась
во сне его объятий. Утром мылась
военною водою ледяной
до отвращения. Но теперь одной

ей по ночам невыносимо было.
И перед сном она его будила,
но он не просыпался. Снился ей
скрипучий снег окрестных черных дней.

Но иногда сбывались упования;
он снился ей таким, как до признанья
во зле – безгрешным, ясным и родным:
они стояли в сквере вместе с ним.

Ее пугало то, что в тресте, в главке
среди лиц полуистертых или гладких,
как бланк – не находила ни черты
его лица. Уж не забыла ль ты?

Нет, это только память стала глубже,
вернее. Ни любовника, ни мужа
ее душа не приняла. Она
старела гордо, как его жена.

Любовь ушла в подмогу пьяным братьям,
их детям, внукам: даже рисовать им
училась специально – танки, бой
с зенитками, солдатами, пальбой.

Любовь ушла в чужих детишек тощих –
подарки, елки – но еще и в то что,
в ней ненависти не осталось той –
слепой, аляповатой, молодой.

Не оттого ль, что просто постарела?
Или боялась? Вряд ли в этом дело –
забыла ли она хоть на одну
секунду свою смертную вину?

о нет, она ЖИЛА своей виною
придуманной пред мертвым, и порою
казалось ей, что вины их слились,
как люди, жизнь рождающие из

слияний этих. Как они когда-то
сливались... В жизни столько виноватых! –
НО ВСЕ НАКАЗАНЫ. Всевышнему хвала,
за то, что, опочив, не дожила

до наших светлых дней, когда бы стали
ей ведомы крошечные детали
его “работы”. Умерла допреж
всех братьев старших: не было надежд.

Или была всего одна надежда,
что где-то там нам отверзают вежды –
быть может, там откроется ей, как
он сразу был и ангел и варнак...

Быть может, там...

ОСЕННЕЕ ВИДЕНИЕ

Высоко на холме, среди лесов,
среди вересковых пустошей и просек –
бела и хороша лицом,
и в синей речке – отраженья проблеск –
среди лиловых кленов и осин
алевших – в небесах, где только синь –
высоко: всей пустой природы в центре
стояла испохабленная церковь.

ВЕЧНАЯ ЖЕНСТВЕННОСТЬ

“Ах, ewig weibliche... Хе-хе”, –
сказал Орлов на языке,
давно забытом мною.
Но поглядев в окно, я
среди вешняковских зеленей
старуху высмотрел и с ней –
совок, ведерка дужка –
трехлетнюю девчушку.

БАЛЛАДА

Быть может, я бы и не стал
учеником отечной кисти,
но были в моде шлак и сталь –
и чаще шлак. В застенке истин,
объект которых ненавистен,
искал я очевидно лаз.
Но из меня не вышел мистик –
кто будет отвечать за нас?

Я стал художником. Простор
пространства я себе присвоил
и пустоту, казалось, стер
хотя б с бумаги. С пустотою
души схватился я и слою
оттенков скрыл ее от глаз.
Талант мой что-нибудь да стоил –
кто будет отвечать за нас?

Замечу кстати, мой отец
был, так сказать, белогвардейцем,
деникинцем. Его конец
теперь известен мне. И в детстве
я жил без матери – известно,
в то время победивший “класс”
врагов объединял в семейства –
кто будет отвечать за нас?

И мой простор был невесом.
Он мне принадлежал случайно.
Но невесомость – страшный сон:
рисунки расплывались. Чаял
опоры я. И вот с очами
раскосыми – в урочный час
она пришла. Мы не скучали.
Кто будет отвечать за нас?

Роман наш был предельно прост,
как боттичеллевы рисунки
пером. Но в тех есть точность – кость,
а здесь был акварельный сумрак:
билетик членский свой из сумки
раз обронила на матрац
она... Но молодость безумна –
кто будет отвечать за нас?

К женитьбе дело шло. Как знать,
быть может, мы сочлись бы браком,
но в перспективе брака мать
ее явилась. Одинаков
был чем-то облик их. Однако
у матери был острый глаз
на родовые свойства злаков...
кто будет отвечать за нас?

Биологом она и впрямь
была. Но тот же взгляд раскосый.
Фигура та ж – куда ни глянь.
Все дело кончилось доносом,
естественно. И те же косы.
Их сходство мучило подчас
меня... И тот же стан. И нос. И
кто будет отвечать за нас?

Но все же связям родовым
не склонен доверять я. Гибко
растем мы. Но в то время им
все доверяли. И погиб я,
естественно. Мне не обидно:
естественность, как Божий глас,
была... И нам не надо гимнов –
кто будет отвечать за нас?

Шло время там у вас, где ад
эдемом числят. И, как судьбы,
неразличимый некий брат
двоюродный – он мне отсюда
чуть виден – выставку рисунков
моих устроил. В первый раз
они глядели в мир подсудный –
кто будет отвечать за нас?

Всего лишь час сей вернисаж
продлился, породивши слухи.
Да, время – это верный страж.
И вот явились две старухи
в толпе любителей, как духи
являются в дурной рассказ,
как сорняки поверх разрухи...
Кто будет отвечать за нас?

Их сходство в старости дошло
до некого предела. Еле
плелись, дышали тяжело.
Но не стеснялись, не робели.
“А неплохие акварели
писал он... этот богомаз”, –
сказала мать... И в самом деле,
кто будет отвечать за нас?

НЕЗРИМО И ГРОЗНО

Зурабу Кикнадзе

Телави: узки и приземисты камни руин,
оград виноградных, проулков, ведущих в былое.
Фиаты, Фиаты вертлявые еле по ним
форсить исхитряются. Ночь наступает и строит

тяжелую церковь на площади, где ребяшня
играет наощупь в футбол. Это маленький город.
И дышит народ на порогах домов после дня
с тяжелым, как олово, солнцем. Лишь храм на запорах.

Вот крепость срослась с вековой алазанской землей.
А вот на одном из проулков кривых перевале
(Фиаты юлили и дети вертелись юлой)
встал дом каменистый: давно уж в нем не обитали

ни люди, ни духи, казалось – ни стекол, ни рам,
ни ставен – чернее, чем ночь, были окон пустоты –
да: дом пустовал, как Телавский заброшенный храм,
и полуразрушен был столь же... Но вдруг поворот, и

в одном из проемов оконных увидели мы –
увидели белую голову – в черном проеме –
седую старинную голову – у головы –
пустые глазницы чернее, чем тьма в этом доме.

Была неподвижна чужой головы седина,
но только по ней было ясно, что это – старуха –
глазниц пустотою куда-то глядела она.
Такой неподвижности чужды движенья и звуки.

И всё же куда-то глядели пустоты глазниц
(хоть белые ключья волос ее не шелохнулись),
и ночь исходила незримо и грозно из них
на мир, на Телави, на угол двух сгорбленных улиц.

СТАРИКИ

Он был смертельно болен, и жена
его состарилась над долгою болезнью,
устала и сама была больна
уже давно. Мы отдыхали вместе

под Вильнюсом. Сосновые леса.
Чуть потускневшие старинные озера.
На мызе жили: старый дом и сад
ухоженный. Сошлись мы очень скоро.

Мы жили в комнатушках проходных.
Он много знал – недуг его не старил.
Я по окрестностям прогуливала их...
Но вот что: я играла на гитаре,

хоть редко, но еще в педвузе бард
один меня привадил к этим звукам.
(Я не любительница болтовни и карт
и прочих девичьих забав). От друга

я получила горькое письмо,
плачевное письмо в тот самый день, и
уж полночь самой себе на зло
я еле слышно стала тенькать

один романс старинный... Вдруг меня
привлек какой-то звук – чужой и жалкий.
Я прервалась. У них был свет. И я
услышала: “Ну, что ж вы? Продолжайте”.

Тогда послушно я взяла аккорд
и в дверь вошла к ним. Сидя на постелях
они тихонько (не тоска, не скорбь,
а счастье прошлое), они тихонько пели...

Он был смертельно болен. Лысоват.
И страшно худ под тонким одеялом.
Я знала лишь мелодию. Слова
от них тогда впервые услышала.

ОТРАЖЕНЬЯ

Отраженья дерев
коренятся в земле.
Но пленительных дев
заземлить не удастся:
не поймешь, не затмишь,
и, как пламень – в золе,
отражали мы лишь
их минутные страсти.

ВПРОК

“Фривольный пусть сочтет меня фривольным”

К.Кавафис

Про милых дам
сказал я без затей,
своим страстям,
бесстрастью ль – потакая.
Я слишком плох,
чтоб не любить людей –
кому же впрок
взаимосвязь такая.

ПОДЗЕМНАЯ НИМФА (5)

Подземная нимфа, газету сложи:
пора подниматься – сначала на землю,
затем по ступенькам в автобус, где зело
толкают, затем уже – на этажи –
всё выше – пусть лифт отказался от роли –
а там еще выше: встав на табурет,
возвысить газетою гору газет,
растущую на антресоли.

СОДЕРЖАНИЕ

Подземная нимфа (1)	3	Фавн	21
Ева (1)	3	Ночь	21
Девочка	3	Ламентация	22
Пастушка	4	Словно	22
Магдалина	4	Видит Бог	23
Все нормально	5	Подземная нимфа (3)	24
Ева (2)	5	Чудо	24
Голосок	5	Спутница	24
Молитва Рахили	6	Душа моя	25
Недоуменье	8	В свет	25
Подземная нимфа (2)	8	Изгнание	27
Рука	9	Портрет	27
Сестры	9	Во сретенье	29
Членство	9	Для кота	30
Роман	10	Лица	31
Крещение	11	Ничего	31
Сходство	11	Среди людей	32
Она любила каждого из тех (десять стихотворений)	12	Гагры	33
Жестокий романс	14	Посвящается всем им	35
Про мово	15	Подземная нимфа (4)	35
Плясовая	16	Быть может, там	37
Концы с концами	17	Осеннее виденье	42
Встреча	18	Вечная женственность	42
Лесная нимфа средней полосы	19	Баллада	42
Напрасно	19	Незримо и грозно	44
Рай	20	Старики	45
Сатир	20	Отраженья	46
Ненавижу	20	Впрок	47
		Подземная нимфа (5)	47

Александр Леонидович Величанский

ПОДЗЕМНАЯ НИМФА

Стихи

Редактор Е.Д.Горжевская. Техн.редактор З.С.Кондрашова
Корректор В.А.Севрюгин.Художник В.М.Радецкий

Формат 60х88/16. Бумага офс. Печать офсетная. Гарнитура "Таймс".
Усл.печ.л.2,93. Усл.кр.отт.3,18.Уч.изд.л. 2,87. Тираж 3000 экз. Заказ № 421.
Цена 2р.50 к.

Издательство "Прометей" МГПУ им. В.И.Ленина. 119048, Москва, ул.Усачева, 64
Оригинал-макет изготовлен на системе "Macintosh" в СП "Интерквадро"
125130, Москва, 2-й Новоподмосковный пер., д.4
Отпечатано в московской типографии № 8 Государственного комитета СССР
по печати. 101898, Москва, Хохловский пер., .7.

Цена 2р. 50к.